

# ПОЭТ И ГОРОД

Вл. ОРЛОВ

**А**ЛЕКСАНДРУ БЛОКУ в величайшей мере было свойственно внесение в русскую литературу главным образом Гоголем и Достоевским ощущение Петербурга как одушевленного существа, живущего своей особой, единственной и неповторимой жизнью и непостижимым образом воздействующего на бытие и судьбу человека.

В самом деле, есть на земле такие чудотворные города, которые стали не только аренами действий, рожденных всемирно-историческими идеями, но и как бы материальным воплощением самих этих идей: Рим, Париж, Москва, Ленинград... Время в своем протекании накладывало на них печать за печатью — и таким путем возникал и оставался в памяти поколений образ города как живого организма со своей, только им пережитой историей, со своим, только ему присущим характером, со своей, только ему предвещанной судьбой.

Петербург в этом смысле — явление уникальное. Из поколения в поколение рождались люди, которым было дано понимать язык этого волшебного Города. Он внятно говорил с ними своими зорями и закатами, туманами и метелями, легендами и преданиями, чертогами и памятниками. Для таких людей Петербург — Ленинград был и остается не только местом жительства, но и миром души.

Пушкин, Гоголь, Аполлон Григорьев, Некрасов, Достоевский и теперь, в наше уже так сильно изменившееся и все быстрее меняющееся время, оживают в Городе. Сами, во плоть!

Город щедро питал их воображение, но и сам был пересоздан их воображением. Тут — взаимосвязь, процесс активного взаимодействия. И если внимательно взглянуть в следы и остатки старого Петербурга, они, пожалуй, расскажут о Гоголе и Достоевском побольше, нежели любая книга.

Об Александре Блоке — тем паче: и время ближе, и следов больше.

Тема Петербурга в творчестве Блока — одна из самоважнейших. Она и неотделима от его главных, генеральных тем. Представления поэта о мире и человеке, об истории и современности выражены в стихах Блока о городе (а город у него — всегда Петербург) с не меньшей глубиной, ясностью и убедительностью, нежели в таких шедеврах его гражданственно-патриотической лирики, как «На поле Куликовом» или «Ямбы».

То новое, собственно свое, что внес Блок в тему, это острее чувство Петербурга как города не только призрачных видений, но и разлитой в воздухе тревоги. «Помнишь ли город тревожный?...» — вот первое слово о Петербурге, раздавшееся в юношеской лирике Блока.

Блоковский Петербург овеян духом исторической трагедии, которую переживала в то время вся Россия, стоявшая на пороге величайшего события века — Октябрьской революции. Все еще внешне блестящая, импозантная столица расшатанной империи Российской предстает в творчестве Блока «страшным миром» зла, угнетения, лжи со всеми резкими контрастами, противоречиями и конфликтами своего социального бытия.

Это двуединство двух противоборствующих начал — самая характерная черта реального, исторического Петербурга начала XX века.

Не случайно в поэзии Блока запечатлены основные события революционной истории нового и новейшего времени, связанные с Петербургом: подвиг народолюбцев, стачки и баррикады 1905 года, Великий Октябрь.

**В**МЕСТЕ СО ВСЕЙ тогдашней интеллигентской элитой, связанной по преимуществу с северной столицей, Блок с младых ногтей дышал столь глубоко проникшей в сознание и быт «петербургской атмосферой». И не только дышал, но сразу сделал ее средой и материей своего искусства.

Само собой разумеется, не приходится забывать про шахматовские поля и леса, воспитавшие в юном Блоке чувство Родины, но все же Петербург всегда оставался главным местом действия блоковской лирики, ареной развертывающихся в ней душевных драм, «родной» лирического героя.

«Чтобы узнать хорошо Петербург, надобно посвятить ему всю жизнь свою, предаться душой и телом», — сказал в свое время Аполлон Григорьев.

Блок так и сделал. Прекраснее Петербурга для него не было ничего на свете. Даже осматривая удивительные, овеянные громкой славой и неизъяснимым очарованием старинные итальянские города, он не преминул заметить: «Самым царственным городом в мире остается, по-видимому, Петербург».

При этом Петербург меньше всего описан в произведениях Блока.

И вместе с тем Петербург неизменно присутствует почти во всем, что написал Блок. Самый воздух города служит материей, из которой сотканы его стихи, поэмы, драмы. В них есть своя, особая точность — не названий, не топографии, но общего ощущения Петербурга во всей подвижной, меняющейся гамме его красок, звуков, запахов, света и тени, капризов непостоянной погоды.

Это — сложная симфония целого и деталей: «сияющая города мгла», «тусклых улиц очерк сонный», переулки, в которых «пахнет морем», «безлюдность низких островов», треск ледохода, фабричные гудки, циклопические подъемные краны в порту, городские и бродяги у ночных костров, «май жестокий с белыми ночами», «ледяная рыба канала»...

Надобно было так слиться с Городом, как слился Блок с Петербургом, чтобы создать такую единственную, неповторимую поэзию. Только чувство кровной связи, духовного родства художника с его родным гнездом создает возможность не только запечатлеть облик города, но и проникнуть в его душу.

**П**ОЭЗИЯ ВОЛШЕБНОГО видения, рождающегося из жалкой обиденщины, торжествует в «Незнакомке», впервые по-настоящему прославившей Блока. Знаменитая баллада написана 24 апреля 1906 года в Озерках.

Блок облюбовал этот захолустный и во всех отношениях затрапезный дачный поселок, расположен-

ный вблизи от Петербурга по Приморской железной дороге, начинавшейся у Большой Невки, напротив Каменного острова. Здесь стоял маленький деревянный вокзал, часто видевший Блока. Теперь ни от вокзала, ни от железнодорожной колеи не осталось и следа: здесь образовался густо застроенный жилой район.

Когда-то, в восьмидесятые годы, Озерки начали процветать. На поросших сосняком берегах Суздальских озер вырастали дачи, были сооружены театральные и концертные залы, ресторан, башня для обозрения окрестностей. Но второго Павловска из Озерков не получилось.

Вдоль пыльных улочек тянулись незатейливые дачки, куда на лето съезжалась публика средней руки, чахлые палисадники, мелочные лавчонки, дешевые трактирчики...

По вечерам над ресторанами Горячий воздух дик и глух...

Какие там рестораны! На самом деле был скромный железнодорожный буфет, где собирались местные выпивохи. Блок полюбил туда заглядывать и, отчужденно сидя за бутылкой вина, фразировал осанкой, повадкой, костюмом, всем своим обликом «знатного иностранца» равно и официантов, и посетителей, и станционного жандарма.

Здесь тоже сильно пахло Достоевским.

Пусть в озерковском вокзальном буфете все было не совсем так, пусть вместо половых в распухших рубашках торчали лакеи в засаленных фраках, пусть и музыки (нужно думать) не было, но знатно и поклоннику Достоевского нетрудно было дополнить картину и, главное, восстановить атмосферу, привлекая силой воображения.

Он садился на облюбованное место у широкого венецианского окна, выходящего на вокзальную платформу. (Здание, бывшее некогда вокзалом, сохранилось, уцелели и проемы широких окон). Зрелище было унылое: чахлые кусты, рельсы, стрелки, семафоры... В стороне виднелись улицы поселка.

Клочок зеленешего на вечерней заре неба то закрывался, то открывался. Время от времени, задыхаясь, подкатывал потный паровик, влывшийся цепочку неприглядных «дачных» вагонов. Иные поезда проносились мимо — платформу заволакивало свистящее облако пара.

И каждый вечер друг единственный  
В моем станке отражен.  
И влагой терпкой и таинственной,  
Как я, смирен и оглушен.  
А рядом у соседних столиков  
Лакеи сонные торчат,  
И пьяница с глазами кроликов  
«In v;no veritas» кричат.

Он медленно пил дешевое красное вино (вероятно, ньюн елисеевского разлива) — «терпкое, с лиловатым отливом ночной фиалки» (в чем и была «вся тайна»), бутылку, случалось — вторую и третью. Постепенно все преображалось — и захмелевшие посетители, и сонные лакеи, и случайно забредшая профессионалка с претензией на шик: в помятых шелках и в широкополой шляпе с потрепанными страусовыми перьями. (Потом Блок привез в Озерки Евгения Иванова, показал ему все, о чем упоминал в его стихах, и подробно рассказал, как Незнакомка возникла в окне из пара пролетевшего локомотива, — возникла, «как Пиковая дама перед Германом»).

Дело в могучей силе вдохновения, творившего сказку из серой обиденщины. Потом Блок скажет на своем языке: «Незнакомка. Это вовсе не просто дама в черном платье со страусовыми перьями на шляпе. Это — дьявольский сплав из многих миров, преимущественно синего и лилового», «создание искусства», которым стала собственная жизнь поэта. (Напомним, что в глубоко продуманной Блоком цветовой гамме, которую он применял к образам действительности, синее и лиловое знаменуют облик «страшного мира»).

И каждый вечер, в час назначенный  
(Иль это только снится мне?),  
Девичий стан, шелками схваченный,  
В туманном движется окне.  
И медленно, пройдя меж пьяными,  
Всегда без спутников, одна,  
Дыша духами и туманами,  
Она садится у окна.  
И веет древними поверьями  
Ее упругие шелка,  
И шляпа с траурными перьями,  
И в кольцах узкая рука,  
И странной близостью закованный,  
Смотрю за темную вуаль,  
И вижу берег очарованный  
И очарованную даль...

«Глухие тайны мне поручены». Свершалось обыкновенное и всегда неожиданное чудо поэзии: чем ниже, вульгарнее, пошлее обстановка, окружающая поэта, тем выше и прекраснее его свободная мечта.

В моей душе лежит сокровище,  
И ключ поручен только мне!  
Незнакомка Блока, казалось бы, близкая родственница гоголевской незнакомки из «Невского проспекта» — панельной красотицы, прикинувшейся божественным видением и сведшей с ума несчастного художника Пискарева. На самом деле у Блока все наоборот. Его лирический герой с ума не сходит, потому что им владеет совсем другая, нежели у Гоголя, художественная идея. Там — беспощадное разрушение иллюзии, созданной воображением мечтателя, здесь — сотворение иллюзии во имя свободной мечты, торжествующей над пошлостью, которая остается таковою, даже если кажется таинственной.

Достоин внимания, что Анненский чутко ощутил неповторимо петербургскую атмосферу, которой овеяна бессмертная баллада: «О, читайте сколько хотите раз блоковскую «Незнакомку», но если вы сколько-нибудь петербуржец, у вас не может не занять всякий раз сладко сердце, когда Прекрасная Дама рассеет и ответит от вас, наконец, весь этот теперь уже точно тлетворный дух. И мигом все эти нелепые выкрутасы точно преображаются...».

Впрочем, в таком случае даже и не обязательно быть петербуржцем или (что в данном смысле то же самое) ленинградцем. Власть места, запечатленная великой поэзией, сохраняет силу и обаяние подчас даже заочно.